

Николай Успенский

Декалов

Николай Успенский
Декалов

«Public Domain»

1871

Успенский Н. В.

Декалов / Н. В. Успенский — «Public Domain», 1871

«Осенью дьячок села Кочергина собирался ехать с своим девятилетним сыном в губернский город Т. Он намеревался записать его в третий класс духовного училища. Под самый день отъезда дьячок ходил по крестьянским дворам, просил дугу; от священника он получил благословение на далекий путь и дегтярку с помазком. Его сын, Иван Декалов, вымытый, причесанный, в это время спал дома на печи...»

© Успенский Н. В., 1871

© Public Domain, 1871

Содержание

I	5
II	6
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Васильевич Успенский

Декалов

I

ПРОВОДЫ

Осенью дьячок села Кочергина собрался ехать с своим девятилетним сыном в губернский город Т. Он намеревался записать его в третий класс духовного училища. Под самый день отъезда дьячок ходил по крестьянским дворам, просил дугу; от священника он получил благословение на далекий путь и дегтярку с помазком.

Его сын, Иван Декалов, вымытый, причесанный, в это время спал дома на печи. Дьячиха, Акулина Егоровна, пекла лепешки; а ее мать, бабушка Декалова, печально сидела в углу, мотала нитки. Акулина Егоровна то и дело подходила к сыну, целовала его, плакала и причитала: «Касатик, Ванюша...» и т. п. Бабушка твердила ей, чтоб она не будила внука; мать отходила к печи и, проливая слезы, хваталась за рогач.

Вечером, при огнях, Акулина Егоровна, дьячок и бабушка укладывали дорожные припасы в мешки.

Декалов давно проснулся. Он сидел в одной рубашке под иконами и непрерывно вздыхал.

На другой день, утром, на проводы собрались в дом дьячка крестьянские ребятишки. Декалов с ними прощался, дарил им своих чижей и синиц.

Декалова закутали в толстую отцовскую свиту и обвязали полотенцами.

Помолившись богу, все вышли на улицу к повозке. Крестьянские ребятишки, каждый держа по птице в руке, смотрели на Декалова с неизъяснимым сожалением. Проходившие на барщину мужики с цепами останавливались и с удивлением спрашивали дьячка:

– Ай везешь, Савелий Григорьич?

– Везу. Что делать!..

– Ах, братец ты мой!..

– Ах, Ваня!.. – с размышлением восклицали мужики и покачивали головами.

Декалов чувствовал, как слезы текли по его щекам.

Мать и бабушка долго смотрели на отъезжавших.

Повозка проехала поповскую слободу: из окна священниковой кухни поклонилась путникам работница, когда-то сумерничавшая в доме Декалова. У ивковых ворот стоит в раздумье мужик Харлам, будто о чем-то пригорюнившийся: он каждый раз на святой строил на лугу качели бабам и в хороводах первый запевал песни. У мельницы на берегу удит рыбу старый скотник: волна бьет его поплавки, и рыба не клюет... «Возвращусь ли я когда-нибудь сюда? – думал Декалов, совсем выезжая из Кочергина. – Увижу ли я тебя, родная моя сторонка?...» Вот поповский луг: на нем Декалов лавливал в осоке диких утят. Пастух у озера стережет кочергинскую скотину; сам, сторбившись, плетет лапти; ветер шумит и волнует ближний дубовый лес. В этот лес третьего дня ходили девки за грибами: Машка, Варька, Дуняшка... Где они теперь?

II СЕМИНАРСКАЯ КВАРТИРА

Через два дня пути, в час пополудни, Декаловы ехали по Т-ой губернской улице, называемой Большой, или Воронежской. Измученная гнедая лошадь, с вытертою шерстью на ляжках и побитой спиной, насилу тащилась, часто поглядывая на растворенные ворота постоянных домов. Дьячок по временам поправлял на ней кнутовищем сбоченившуюся шлею. Телега, некогда служившая водовозной, в дороге совершенно разбилась; покачиваясь из стороны в сторону, она издавала сильный визг; по бокам ее высовывалась наружу солома и выпускала из себя, как ребра, выломленные перегородки. Из вершины высокой, растрепавшейся шапки дьячка, как из огнедышащей горы, наподобие лавы, летел пух, разносясь по улице. Прохожие пристально смотрели на проезжих.

Был воскресный день. Большая улица наполнена была народом: разряженные купеческие жены с толстыми большими серьгами, чиновники с тросточками, мещане, подвыпившие сапожники разгуливали по бульварам. Вдоль улицы к собору и от собора ездили пролетки с молодыми купчиками, частным приставом, полицеймейстером, и катили шестернями запыленные дорожные кареты. На все это с любопытством глядели дьячок с сыном. Наконец, они повернули в Подьяческую улицу и стали разыскивать дом мещанина Овсова, которого им рекомендовал один знакомый.

Дом Овсова стоял недалеко от Воздвиженской церкви, окруженной кладбищем. Он имел две черные трубы, треснувшие пополам, и крошечное крылечко с низенькою дверью, забитою наглухо. На его крыше росла трава; черномазые окна походили на искривленные и потускневшие глаза умирающего человека. Глушь и запустение царствовали в Подьяческой улице несмотря на праздник.

У растворенных ворот Овсова дома стояла запряженная лошадь. Священник прощался с своим малолетним сыном, который отчаянно плакал, припав к его полукафтанью. Священник вынимал ему из кармана деньги, едва удерживаясь от слез; говорил, что по первому зимнему пути приедет к нему с матерью и братом Васей; не забудет также захватить с собою сестру Парашу.

Дьячок снял шапку перед хозяином, ссыпавшим в амбар муку, смиренно поклонился хозяйке, запиравшей калитку сада с ворчаньями на неугомонных жильцов, и повел свою лошадь к стороне. Какой-то мальчик, в синей жилетке, с книжкою на коленях, зажав уши, сидел на бревне лицом к забору. Декалов, стоя у телеги, глаз не спускал с мальчика, зубрившего урок. Дьячок отстегивал супонь у лошади. На соседнем дворе раздавались крики, стучали о забор свинчатками с чугунками, гремели бабки.

- Шестер!
- Ладыжка на кону!
- Жог, ника!

Шумели игроки.

Запыленный мукою хозяин переговорил с кочергинским дьячком касательно третнего содержания, платы за квартиру и указал ему семинарскую комнату, предварив, что комната – игрушка! господам жить, а не семинаристам.

В комнате семинаристов, у оборванных стен, за широким складным столом сидел с примасленной головой ученик словесности Пречистенский; он старательно списывал лекции профессора под заглавием «Речи ораторские». На просторных подмостках с взвороченными войлоками и сундуками сидело человек семь раздетых мальчиков. Одни из них делали из бумаги хлопущки; другие раздували на окне уголья в банке, чтоб расплавить свинец; третьи сверлили

гвоздем бабки; четвертые только глядели на эти занятия и ели лепешки. На лежанке без подстилки спал в одном сапоге ученик философии Детищев, с улыбкой на лице; его будто озаряла необыкновенная идея, сейчас же готовая осуществиться; поэтому философ не обращал никакого внимания на валявшийся по полу другой свой сапог с разорванным голенищем и тряпичей внутри.

Кочергинский дьячок начал представлять ритору Пречистенскому своего сына. Повернувшись к ним обоим спиной и держа в руке огромный картуз, почти достигавший полу, Декалов смотрел на спящего философа и на ребяташек. Пречистенский отдал приказание работнице – собирать гостям обед; на спрос дьячка о *старшем*, то есть о богослове, он отвечал, что богослов куда-то отлучился, – должно быть, за харчем пошел. После нескольких слов о дороговизне содержания в городе, о неудобствах семинарской жизни дьячок стороною намекнул ритору: не хочет ли он выпить? Тот, закладывая за ухо перо, проговорил, что он и знать не знает этого дела, потому что еще в низшем отделении находится... Но не таковым оказался пробужденный криками мальчиков философ. Накидывая на плечи сюртук и хватаясь за трубку, он изъявил полное согласие на предложение дьячка. Волосы его стояли дыбом; нанковый сюртук, выбеленный известкой, смялся, съезжился и не прикрывал груди; вообще все говорило о философском направлении Детищева. Он объяснил дьячку, что сам дьячковского происхождения, знает быт дьячков как свои пять пальцев, следовательно тут церемониться нечего.

Кривоглазая работница, напудренная сажей под глазами и преимущественно около носа, несла к столу щи; она останавливалась на дороге, чтоб уцелевшим глазом высмотреть чистоту своего приготовления. За нею суетился хозяин, принесший полштоф из кабака.

Детищев весело говорил дьячку про свое воспитание, когда он, будучи маленьким, бегал по полночам в класс и выносил наказание розгами. Он уверял, что при самых жестоких наказаниях он не только не просил учителей о помиловании, то есть не кричал «помилуйте» или «пощадите», но лежал словно деревянный. Еще Детищев рассказывал про своего родного отца, который исконибе получает шесть с половиною целковых годового дохода, ходит в лаптях и содержит многочисленнейшее семейство. В заключение всего Детищев, уже выпивши водки, принялся наставлять дьячка, куда ему должно явиться с сыном: во-первых, надобно сходить к ректору училища – он проэкзаменует Декалова; да не забыть... (здесь философ пошептал на ухо дьячку); во-вторых, надобно сходить к учителям, хотя и не ко всем: это называется «явиться к ним...» Как скоро Детищев упомянул слово «явиться», тотчас ученик четвертого класса крикнул с подмосток, что к учителю Мордасову непременно «явиться» должно; а то смерть будет!

III

ВИЗИТЫ И ПРОЩАНИЕ

Вечером, по уходе дьячка с сыном к ректору, Детищев, подвязывая под шею манишку, заимствованную у риторы Пречистенского, соображал, куда бы уйти на вечер. Он спросил у мальчиков, не напоит ли его кто-нибудь чаем? Один вызвался и сказал:

– А сколько, Прохор Еремевич, стоит?

– Пятиалтынный.

– Э-э! – воскликнул мальчик и обратился к стене лицом.

Дьячок с сыном медленно шли по парадной ректорской лестнице, освещенной лампами. Дьячок умолял сына – полегче стучать сапогами.

Встречаемые служанкой протоиерея, они явились в широкой зале с паркетным полом. В зале горела лампада перед золотым образом. Дьячок прижался к двери. Декалов, не чуя над собою никакой грозы, спокойно утирал рукавом нос и время от времени поддегивал кверху подпояску.

Вышел высокого роста протоиерей в шелковой рясе, с золотым распятием на груди. У дьячка закружилась голова. Служанка поставила свечу на стол. Ректор подозвал к себе Декалова, спросил, из какого он села. Затем развернул на столе катехизис и взялся за испытание. Дьячок затрясся.

– Если бог везде, – произнес ректор, обращаясь к мальчику, – то как же говорят, что он на небесах, во храме и прочее?

Декалов зачитал:

– Един бог во святой троице поклоняемый. . .

Протоиерей остановил его. Он повторил вопрос: «Где бог?»

Дьячок возвел взор к небу.

Служанка, намереваясь идти в другую комнату, смотрела на мальчика с очевидным желанием знать, чем кончится дело. Но кончилось все благополучно. Декалов сказал, где бог, победил другие некоторые вопросы и был записан в третий класс. Однако служанке такой конец, по видимому, не очень понравился; она пошла в комнату с видом, который ясно говорил: «Ишь какой экзамен-то? легкий самый. . .»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.